

П. Н. БАЗАНОВ (*Санкт-Петербург*)

РУССКИЙ УЧЕНЫЙ-ЭМИГРАНТ Н.Е. АНДРЕЕВ В АНГЛИИ

Известный русский ученый — доктор Карлова университета, директор Института им. Н.П. Кондакова, профессор Кембриджского университета Николай Ефремович Андреев (1908-1982) жил и работал с 1947 г. в Великобритании. Его жизнь и творчество можно разделить на четыре основных периода: российский, таллинский, пражский и кембриджский. В своей научной, литературной, публицистической и журналистской деятельности Н.Е. Андреев пользовался псевдонимами: Кока Рем (от домашних прозвищ Кока-Николай, Рем — сокращение имени отца Ефрем), С. Несмеянов, Н. Николин (в память о псевдониме дяди, видного меньшевика Николая Николаевича Андреева) и П. Тверской.

Н.Е. Андреев родился в 1908 г. под Петербургом в селе Ржевка (ныне в черте города). Вместе с отступающей армией Н.Н. Юденича он вместе с родителями оказался в Эстонии. В Таллине с отличием окончил знаменитую Русскую городскую гимназию. Еще гимназистом Н.Е. Андреев начал писать критические статьи о литературе в местной прессе, но профессия историка привлекала его значительно больше. Поэтому с 1927 по 1931 г. он учится на философском факультете Карлова университета в Праге. Преподавателями Н.Е. Андреева были лучшие русские и чешские историки и литературоведы — А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, В.А. Францев, С.И. Гессен, Л. Нидерле и другие. Уже на втором курсе молодой ученый становится личным стипендиатом президента Чехословакии Т.Г. Масарика. С этого же времени судьба Н.Е. Андреева оказалась связанной с *Seminarium Kondakovianum* (позднее — Институт им. Н.П. Кондакова). Там

он познакомился с такими выдающимися русскими учеными, как Н.П. Толль, А.П. Калитинский, Г.А. Острогорский, Н.М. Беляев, Д.А. Расовский. Под влиянием этих ученых (более всего Н.П. Толля) Н.Е. Андреев начинает после окончания университета работать над диссертацией «О деле дьяка Висковатого, как литературном и идейном явлении».

Первое же научное исследование Н.Е. Андреева («О деле дьяка Висковатого»¹), вытекавшее из работы над диссертацией, привлекло внимание многих ученых, как, например, профессора Эллис Миннс из Кембриджа². В начале 30-х гг. в целом сложились научные интересы молодого ученого, связанные с историей России эпохи Ивана Грозного, историей Псковской земли и иконоведением³. В свой пражский период академической карьеры Н.Е. Андреев проделал путь от библиотекаря, затем секретаря Института им. Н.П. Кондакова до поста его директора в 1939-1945 гг.

В «Русской Праге», атмосфера которой была синтезом политической, философской, литературной и научной мысли и поиска, Н.Е. Андреев не оставался чисто академическим, кабинетным ученым-историком. Он принимал активное участие в собраниях литературной группы «Скит». Приезжая периодически в Таллин к родителям, Н.Е. Андреев выступал там с лекциями по литературе и истории России и печорского края. В те же 30-е гг. он принимает самое деятельное участие в создании таллинского периодического литературно-художественного сборника «Новь». Многие его статьи в русских эмигрантских газетах носили четко выдержанный антибольшевистский характер. Интересны причины, по которым такой блистательный ученый — историк, литературовед и критик — так и не вступил ни в одну из политических партий или групп. Сам Н.Е. Андреев вспоминал: «Все интересовались политикой в открытую. Мне были интересны многие партии, и я получал приглашения от многих партий войти в них, но никуда не вошел»⁴.

В 1929 г. начались контакты ученого с эсеровским журналом «Воля России», но они носили чисто литературный характер. Хотя у Н.Е. Андреева сложились добрые отношения с главным редактором журнала М.Л. Слонимом (их обоим интересовала молодая советская литература), политически от эсеров он находился очень далеко.

Центр организации «Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия) находился в Праге. Ее возглавляли бывшие правые эсеры С.С. Маслов, А.А. Аргунов, руководитель «Скита» — литературовед А.Л. Бем (партийный псевдоним Омельянов), историк В.В. Саханев. Н.Е. Андреев вспоминал: «Со мной они тоже хотели сотрудничать, на что я ответил, что занят академически и мог бы им помогать только спорадически»⁵. Тем не менее он любил бывать на их открытых собраниях, в работе которых принимали участие не только члены «Крестьянской России». В партийном органе была опубликована известная статья Н.Е. Андреева «Культура в изгнании».

Такие же взаимоотношения сложились у Андреева и с движением евразийцев и их идеологией. С одной стороны, прекрасные дружеские отношения с П.Н. Савицким и Н.П. Толлем, с другой — полное непринятие их концепции. Именно Н.Е. Андрееву принадлежит авторство одной из известных шуток западников о евразийцах. Н.П. Толль был женат на сестре другого известного евразийца, Г.В. Вернадского. Андреев вспоминал: «Они пригласили меня как-то ужинать, и когда я пришел к ним, то был озадачен — у них по восточному обычаю не было никакой мебели. Николай Петрович в это время увлекался Востоком, так что все сидели на каких-то неудобных подушках. <...> Позднее, когда... у них стало больше денег, они переехали на другую квартиру и там, слава Богу, вернулись к западному стандарту. Я даже шутя сказал, что вижу победу Запада над Востоком и приветствую ее, потому что сидеть в креслах или на диванах много удобнее. Николай Петрович был доволен моим замечанием, но сказал: "Чего можно ожидать от Вас, типичного западника!"»⁶.

Совсем иные отношения были у Н.Е. Андреева с другим новым идеологическим течением — солидаризмом. Хотя в «Национально-Трудовой Союз Нового Поколения» он так и не вступил, но с этой организацией его связывала дружба с К.Д. Вергуном, С.А. Левицким и другими членами НТСНП. Кирилл Дмитриевич Вергун был главой чехословацкого отделения, он часто обсуждал различные аспекты новой идеологии с Н.Е. Андреевым. Смысл их споров и противоречий заключался в том, что Н.Е. Андреев не видел в идеологии НТСНП «сочетания исторических корней России с результатами революции»⁷. Сам Н.Е. Ан-

дреев вспоминал: «Через некоторое время он написал мне очень интересное письмо, в котором благодарил за то, что я много спорил с ним на темы, касающиеся идеологии организации. Не то чтобы я повлиял на него своей критикой, он не изменил сути своих тезисов, но моя картина заставила более внимательно продумать эти тезисы и найти иные аргументы. Так что я невольно оказался шлифовальщиком идей Кирилла Дмитриевича Вергуна и его организации»⁸.

Вскоре после освобождения Праги советскими войсками Н.Е. Андреев был арестован Смершем. В течение двух лет он был в заключении в военных тюрьмах в Германии, но случилось чудо и его освободили. Потом была жизнь в оккупированном Берлине, лагере для «перемещенных лиц» и, наконец, возможность эмигрировать в Англию.

Н.Е. Андреев прилетел в Великобританию 31 июля 1948 г. по приглашению Кембриджского университета. Этот вызов ему фактически организовала глава славянского отделения университета профессор Элизабет (Елизавета Федоровна) Хилл. Для решения такого незаурядного ученого, каким был Н.Е. Андреев, переселиться именно в Англию, в то время как большинство эмигрантов предпочитали Южную Америку или США, были свои мотивы. Первым побудительным моментом можно назвать то, что на Британских островах давно обосновались его друзья: Виктор Франк (сын известного философа), впоследствии сотрудник русской службы Би-би-си⁹, и таллинская поэтесса Ирина Кайгородова. Последняя вышла замуж за англиканского священника Джона Финдлоу, который в это время переехал из Кембриджа в Лондон для работы секретарем с английской стороны в Содружестве имени Преподобного Сергия Радонежского и Св. Мученика Албания совместно с известным богословом Н.М. Зерновым¹⁰. Друзья Дж. Финдлоу работали при британской культурной миссии в Берлине и смогли разыскать Н.Е. Андреева. Благодаря этому в условиях разделенного на зоны Берлина удалось завязать переписку с В.С. Франком и супругами Финдлоу.

Но, возможно, главной причиной переезда в Кембридж была редкая для русских эмигрантов политическая беспартийность Н.Е. Андреева. В то время как в Германию, Францию или Америку приглашались на работу политически ангажированные эмиг-

ранты, известные своей антикоммунистической борьбой, Н.Е. Андреев выбрал Англию, так как, несмотря на свои обширные связи в эмигрантской политической элите, стремился к чисто научной карьере. Видимо поэтому Кембриджский университет идеально ему подходил. С другой стороны, и университет предпочел иметь на славистской кафедре выдающегося ученого, а не политического деятеля.

В Кембридже через две недели после своего прибытия Н.Е. Андреев знакомится с известным русским философом и литературоведом В.В. Вейдле. Они были заочно уже знакомы, так как еще в 1932 г. известный критик написал рецензию на первую работу молодого ученого в «Современные записки». Впоследствии В.В. Вейдле вспоминал о первых днях дружбы с Н.Е. Андреевым, его состоянии в это время: «Он говорил мне, что каждое утро щиплет себе руку, просыпаясь: не во сне ли, мол, все это? Каким чудом попал я в зеленый этот и ученый городок, где я буду заниматься своим делом, где нашлись у меня друзья, где никакие невзгоды мне не угрожают?»¹¹ Вейдле считал, что его друг был очень русский человек, сравнимый по своей «русскости» только с художником Коровиным или писателем Куприным. «Его через двадцать лет Кембридж в англичанина не переделал»¹².

В Великобритании Н.Е. Андреев работал не только в Кембридже. Научные и педагогические контакты связывали его со многими университетами страны. Н.Е. Андреева хорошо знали в Оксфордском, Эдинбургском, Манчестерском, Лондонском, Ноттингемском и многих других университетах. Оставаясь по-прежнему внепартийным человеком, он поддерживал регулярные контакты с представителями НТС в послевоенный период. Публикации в журналах и газетах солидаристов отличались взвешенностью и научной постановкой вопросов. Постоянно выступал Н.Е. Андреев на «посевовских» конференциях. Доклады и лекции его характеризовались академичностью и в то же время увлекательностью, темпераментностью и тем неповторимым огнем, с которым русские ученые отстаивают правоту своих научных убеждений. «Тем замечательнее в каждой его работе заново проявляемая строгость к себе, выверенность каждого шага, осторожность и точность формулировок, воздержание от преж-

двух временных обобщений, внимание к доводам противников, отсутствие всякой горячности в полемике»¹³. «В 1955 г. Н.Е. Андреева выбрали членом колледжа Св. Марии Магдалины, в 1968 г. — действительным членом Клэр Холл, а в 1973 г. он получил назначение *ad hominem* (личное) экстраординарного профессора славяноведения»¹⁴.

Уже будучи известным и признанным ученым в западном мире, Н.Е. Андреев с высоты своего научного авторитета историка поставил точки над «i» в двух научных дискуссиях. Первая дискуссия развернулась вокруг тезиса, высказанного Е. Юрьевским (Н.В. Вольский) и П. Берлиным на страницах «Социалистического вестника», — о связи Третьего Рима с Третьим интернационалом. Авторы тезиса объявили Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства. Основанием для такого утверждения послужили письма монаха Елизаровского монастыря под Псковом Филофея. В них дана ставшая знаменитой в XIX в. формула «два Рима пали, третий Рим (Москва) стоит, а четвертому не бывать». Это была чисто религиозная идея старца провинциального монастыря и к тому же не получившая распространения в XVI в. В XX в. монаху Филофею стали приписывать создание комплекса идей и чувств, ставших сущностью русской природы и питавших на протяжении веков русский империализм, а затем ставших сущностью большевистской экспансии. Якобы из Московской Руси и пришла в Россию идея мировой революции — как известного стремления Москвы к мировому господству. Против этой гипотезы выступил известный историк, профессор Йельского университета Н.И. Ульянов. К дискуссии подключалось все больше участников, и в качестве арбитра был призван Н.Е. Андреев. Сотрудников «Социалистического вестника» он устраивал, так как его дядя Николай Николаевич Андреев был видным меньшевиком, Николая Ефремовича они знали с детства. Н.И. Ульянов признал высокий научный авторитет специалиста в истории Псковской земли XVI в. После личной переписки с участниками дискуссии Н.Е. Андреев делает вывод, что мессианская теория «Москва — Третий Рим» не имеет исторической базы и является публицистической подменной этой идеи авторами XX в. Об этом он написал в своих статьях «Филофей и его послание Ивану Васильевичу» и «"Свиток"

Н.И. Ульянова»¹⁵. Вторая дискуссия развернулась после того, как американский славист Эдуард Кинан выдвинул предположение, что переписка между Иваном Грозным и боярином А.М. Курбским была подделкой. Против этого предположения выступили советские историки. Снова решающее слово оказалось за Н.Е. Андреевым. Он написал статью «Мнимая тема», в которой доказал, что не А.М. Курбский заимствовал сюжеты текста «Плача Исаи Каменец-Подольского», а наоборот, тем самым разрушив краеугольный камень гипотезы Э.Л. Кинана¹⁶.

Надо отметить, что весь англоязычный мир знает русскую историю XVI-XVII вв. в интерпретации Н.Е. Андреева. Он является автором статей в знаменитой энциклопедии «Британика»: «Иван Грозный», «Ермак Тимофеевич», «Курбский», «Строгановы», «Земский собор», «Федор I», «Борис Годунов», «Федор II», «Смутное время», «Василий IV Шуйский». Он также написал две главы в «Cambridge Companion to Russian Studies» (Пособие по изучению русской истории и культуры).

Н.Е. Андреев внес существенный вклад в изучение истории и теории русской эмиграции XX в. Им опубликована большая рецензия на первое издание книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании»¹⁷. Признанной заслугой Н.Е. Андреева считается то, что он выдвинул термин «русская эмигрантика» для обозначения всех источников и литературы о русской эмиграции, вне зависимости от научной или практической области деятельности¹⁸.

Напоследок приведем сведения из личной жизни Н.Е. Андреева. «В 1954 г. он женился на Джилл, дочери покойного генерал-майора сэра Губерта Худделстона»¹⁹. В этом браке у них было трое детей: Николай, Михаил и Екатерина. Е.Н. Андреева стала известным ученым-историком, автором несколько раз переизданной монографии «Генерал Власов и Русское освободительное движение». Монография, кстати, посвящена памяти Н.Е. Андреева.

Настала пора вернуть России богатое научное и культурное наследие известного историка Н.Е. Андреева. Его труды должны занять достойное место при оценке сложных вопросов отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Т. 5. С. 191-241.

² См.: Гаррисон В., Пайман А. Николай Ефремович Андреев // Новый журнал. 1982. Кн. 147. С. 264.

³ См.: Шефтель М. Николай Ефремович Андреев: 1908-1982 // Новый журнал. 1982. Кн. 148. С. 277-279.

⁴ Андреев Н. Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). Таллинн: Авенариус, 1996. Т.2. С. 211.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. Т. 1. С. 296.

⁷ Там же. Т. 2. С. 21.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ См.: Андреев Н. Блуждающая судьба // Памяти Виктора Франка. Лондон, 1974. С. 23, 32.

¹⁰ См.: Финдлоу И. Путь к единству. М.: Рудомино, 1998. С. 41.

¹¹ Вейдле В. Об исторических трудах Н.Е. Андреева // Новый журнал. 1971. Кн. 105. С. 283.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Гаррисон В., Пайман А. Указ. соч. С. 265.

¹⁵ Андреев Н. «Свиток» Н.И. Ульянова // Новый журнал. 1973. Кн. 113. С. 233-241. <Рец. на кн.: Уль я н о в Н. Свиток. Нью-Хэвен: Кин-нипиак, 1972. 223 с.>

¹⁶ См.: Андреев Н. Мнимая тема: (О спекуляциях Э.Л. Кинана) // Новый журнал. 1972. Кн. 109.

¹⁷ Андреев Н. Литература в изгнании // Грани. 1957. № 33. С. 164-176.

¹⁸ См.: Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом: (Опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции: Сб. ст./ Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 31.

¹⁹ Гаррисон В., Пайман А. Указ. соч. С. 265.